

Его Величество больше не был её прежним Седьмым. Она боялась, что до конца своих дней так и не дожждётся возвращения прежнего сына. Император искренне недоумевал: он уверял, что нисколько не огорчён, и даже продемонстрировал вдовствующей императрице безупречную ослепительную улыбку, прося её не беспокоиться по пустякам, а в душе, должно быть, думал, как ужасны женщины в климактерическом возрасте. Но вдовствующая императрица твердила, что её сын изменился. Чем больше она говорила, тем сильнее расстраивалась — да так рассердилась, что отказалась прийти на собственный пир в честь дня рождения. Она заявляла, что не желает видеть Императора и вернётся во дворец Цинцун дожидаться своего сына. Эта вспышка гнева казалась совершенно нелепой, и дело вот-вот закончилось бы скандалом на весь императорский дом. В отчаянии Император, позабыв о величии, обнял вдовствующую императрицу, надул губы, принимаясь ластиться, и пробормотал: «Я так боюсь остаться сегодня без пирожных с машем... Давайте Я расскажу матушке сказку». Вдовствующая императрица обернулась и увидела, что Император озорно и лукаво ухмыляется, как в детстве. Она не удержалась от улыбки и лишь после этого с радостью отправилась на праздник.

На самом деле уже тогда Император был не способен чувствовать эмоции вдовствующей императрицы. Он лишь воспользовался своей феноменальной памятью, чтобы воспроизвести детские мимику и повадки и тем самым утешить её. Император больше не мог естественно реагировать на человеческие чувства, превратившись в хладнокровное оружие. Мать всегда лучше всех знает своего ребёнка: с тех пор как зашла речь о строительстве Шуского тракта, си-фэй заметила перемены в сыне. Вплоть до кончины прежнего государя и гибели низложенного наследного принца на поле боя она своими глазами наблюдала, как её сын становится непобедимым, но вместе с тем леденяще-холодным, и сердцем её владел постоянный страх. Однако в конечном счёте безупречная актёрская игра сына дарила си-фэй иллюзию до конца жизни, и та ушла из жизни спокойно.

Когда Лу Цзыяо дочитывал финал истории, он не чувствовал того восторга, с каким раньше следил за гениальными и хладнокровными многоходовками главного героя; вместо этого в душе оставалась лишь тихая печаль. Теперь же, оказавшись внутри этого мира и вспоминая судьбу князя Нин, он понимал: это настоящий кошмар!

Стоило ему закрыть глаза, как перед ним вставала картина: пухлый малыш с залиvistым смехом бежит к нему, просясь на ручки, а за его спиной сияют яркие солнечные лучи. Лу Цзыяо глубоко вздохнул. К счастью, на этот раз рядом оказался надёжный первый принц, взваливший основные заботы на свои плечи. Если всё пройдёт гладко, пухлому малышу больше не придётся расти среди холода и насмешек. Он сможет каждый день пить молочко, спать да изредка лазать по альпийской горке... Но не разбалует ли он так будущего героя вроде Лун Аотяня? Нет, Лу Цзыяо должен сделать так, чтобы малыш рос усердным и старательным ребёнком, но без всяких потрясений. При случае надо бы потыкать пальцем в пухлый животик малыша — вдруг удастся пробить те самые каналы Жэнь и Ду?

За пять дней до начала осени Кабинет министров уже направил предложение о строительстве Шуского тракта, но Ведомство ритуалов ещё не получило указаний от Императора, и алая резолюция так и не появилась. Для столь грандиозного строительства требовалось, чтобы Астрономическое управление сверялось с небесными знаменами и выбрало благоприятный день — при оглашении указа надлежало назвать точную дату начала работ. Странное дело: задание Кабинета министров было дано, а Астрономическое управление за два дня так и не предоставило результаты гаданий. Император от ожидания уже начинал проявлять недовольство. Кабинет министров торопил Астрономическое управление, Ведомство ритуалов тоже торопило, а Министерство работ, с нетерпением ждавшее выделения средств, и вовсе сглазило себе все глаза от ожидания.

В тот день после завершения утренней аудиенции глава Астрономического управления Цинь Чжаосюань в обход Кабинета министров напрямую попросил аудиенции у Императора. Он заявил, что день и ночь наблюдал за небесными светилами и обнаружил крайне зловещие знамения, извещающие о воле Небес: на северо-западе ни в коем случае нельзя начинать масштабные земляные работы, иначе навлекут «Кару Небесного Камня» — предостережение свыше. Если же упорствовать в своём своевластии, это может вызвать народный бунт.

Император радостно ждал начала строительства, а получил этот ушат холодной воды. Впрочем, он сдержал порыв и не стал с ходу засучивать рукава и вступать в перепалку с чиновником. Вместо этого он с превеликим спокойствием призвал остальных заместителей Астрономического управления и спросил, соответствует ли это действительности. Откуда у заместителей наберётся смелости вылить ушат холодной воды на Императора? Но и предавать своего начальника прямо на месте им не хотелось, так что они лишь сбивчиво поддакивали, твердя, что подбором благоприятного дня для прокладки тракта всегда занимался лично господин Цинь, а они обо всех деталях не в курсе.

Будь это обычный чиновник, осмелившийся так перечить высочайшей воле, его тут же ждали бы крупные неприятности и суровая кара. Однако служители Астрономического управления относились к категории «полусвященнослужителей» и обладали множеством привилегий; даже при нарушении законов государства для них предусматривался особый порядок смягчения наказаний — как раз для того, чтобы Император, пренебрегший предостережениями Небес, не злоупотреблял монаршей властью. Поэтому Императору было неудобно срываться на месте, и он вызвал второго помощника Кабинета министров Дун Чжунжуя, выступавшего за прокладку Шуского тракта, дабы тот сцепился с Астрономическим управлением.

Едва Дун Чжунжуй услышал, что чиновники Астрономического управления подали прошение с предостережением против строительства Шуского тракта, как разгневался до глубины души. Он во весь опор помчался в Зал Воспитания Разума и с порога обрушил на Цинь Чжаосюаня град обвинений в неисполнении служебного долга!

— Его Величество просил тебя лишь выбрать благоприятный день! Когда это он спрашивал у тебя, стоит ли начинать строительство?! Твои руки уже дотянулись до нашего Кабинета министров — так давай тебе заодно отдадут и должность министра работ, чтобы ты сам решал, что строить, а что возводить, и всё шло по твоим указкам!

Дун Чжунжуй отличался вспыльчивым нравом, однако все его речи и поступки проистекали из искренней заботы об Императоре, поэтому правитель никогда не требовал от него сдерживать характер. Объективно говоря, он не был предателем или коварным сановником: идея прокладки Шуского тракта изначально принадлежала именно ему — как ради устрашения удельных князей, так и для налаживания торговли между Шу и внешним миром. Успех этого предприятия не только укрепил бы императорскую власть, но и принёс бы пользу народу; всё это готовили ради проведения новой политики, так что помехи со стороны астрономов он терпеть не намеревался.

Цинь Чжаосюань же не проявлял ни малейшей спешки и даже не удостоил Дун Чжунжуя взглядом. Повернувшись к Императору, он ответил:

— Подбирая благоприятный день и наблюдая за звёздами, ваш покорный слуга ненароком вычел, что начало работ противоречит воле Небес. Именно потому, что высчитать удачную дату не представляется возможным, я и явился с докладом к Вашему Величеству.

— Прокладка Шуского тракта — великое дело на благо государства и народа! О каком противоречии воле Небес может идти речь? Я вижу, тебя подослали предатели, дабы учинить помехи! — Дун Чжунжуй не стеснялся в выражениях, стремясь вырвать это бельмо на глазу. — Ты, ослеплённая жадностью тварь, признавайся, не получил ли ты от кого-то тайную выгоду?!

Цинь Чжаосюань лишь равнодушно улыбнулся:

— Кто захочет обвинить, всегда найдёт предлог. Моя ничтожная жизнь ничего не стоит: если господину Дуну угодно — забирайте. Однако я ем хлеб своего государя и храню верность его делу, а потому не стану ради спасения собственной шкуры утаивать правду и вводить Его Величество в заблуждение. К тому же против прокладки Шуского тракта в дворе никто не высказывался. Кто стал бы давать мне выгоду, чтобы я намеренно чинил препятствия? Если господин не верит, достаточно подождать немного времени: в Шу непременно явится знамение «Кары Небесного Камня», которое подтвердит мои гадания.

— Какая ещё Кара Небесного Камня! Нагнетаешь страхи! По-моему, тебя подослали вовсе не чиновники при дворе, а... — В глазах Дун Чжунжуя блеснула жажда крови; своими словами он открыто намекал на сговор Цинь Чжаосюаня с удельными князьями Шу.

Император сразу всё понял, но гневаться не стал. Напротив, он с дружелюбным видом поднялся с места, неспешно подошёл к Цинь Чжаосюаню и с улыбкой произнёс:

— Верный слуга усердно трудился, день за днём наблюдая за небесными светилами. Отныне отправляйся домой на полмесяца для восстановления сил. Обязанности главы Астрономического управления временно возьмёт на себя Цяо Сун.

С этими словами Император повернулся к заместителю Астрономического управления Цяо Суну и строго приказал:

— В течение двух дней установи, соответствуют ли твои наблюдения словам господина Циня, и немедленно доложи Мне о результатах.

Позиция Императора была выражена столь предельно ясно, что Цяо Сун, разумеется, отвергнет выводы Цинь Чжаосюаня. Как только вину Цинь Чжаосюаня в злонамеренном обмане государя признают доказанной, его ждёт если не смерть, то уж точно жестокое наказание бамбуковыми палками при дворе.

Первый принц поначалу полагал, что пусть венценосный отец и расстроится, но всё же хотя бы подождёт и посмотрит, подтвердится ли так называемая «Кара Небесного Камня». Он и не думал, что Император сразу же возьмётся расправляться с господином Цинем. Выступать на защиту в такое время было нельзя, поэтому первый принц тайно отправил своих людей распускать среди народа слухи о «Каре Небесного Камня». А уж поубавит ли отец свой пыл — оставалось уповать лишь на волю судьбы.

Примечание автора:

Глупенький Лу Цзыяо вытягивает указательный палец: «Тык, тык, тык...»

«Ведь так точно получится пробить каналы Жэнь и Ду?»

Спустя мгновение Седьмой малыш с успехом срыгнул молоко от этих тычков.

Чтобы слухи о «Каре Небесного Камня» докатились до верховной власти, потребовалось бы как

минимум полмесяца — если бы они распространялись быстрее, в них бы просто не поверили. Однако Император потребовал от Цяо Суна результаты предсказаний в двухдневный срок. Если выводы господина Циня окажутся опровергнуты, никто не сможет предугадать, к каким последствиям приведёт священный гнев.

Многие сановники при дворе знали, что господин Цинь относится к фракции первого принца. Если первый принц выступит с заступничеством, ему уже не отмыться от подозрений. Многочисленные сторонники первого принца, включая старшего министра, в течение двух дней отправляли письма по всевозможным тайным каналам, моля первого принца не вмешиваться в это дело. Сановники не ведали, что господин Цинь действовал по указке первого принца, и не могли взять в толк, с чего вдруг тот воспротивился строительству Шуского тракта. Но вступись первый принц за чиновника, подозрения Императора неизбежно пали бы и на самого принца.

Сам Цинь Чжаосюань тоже совсем не желал, чтобы первый принц рисковал собой ради его защиты. Когда первый принц объяснял ему причины, по которым не следовало строить Шуский тракт, Цинь Чжаосюань в душе совершенно не соглашался с ними. Даже если это дело действительно грозило вылиться в локальные волнения, первому принцу не следовало выходить вперед и вмешиваться. Шуский тракт рано или поздно всё равно придётся построить — просто не стоило спешить с этим настолько. Пока Император сам не набьёт себе шишек, он не осознает всей опасности, а потому лучше было дать событиям идти своим чередом и позволить ему вести стройку. Первому принцу совершенно не стоило наживать себе врага в лице Императора ради такого дела. Цинь Чжаосюань был честным чиновником и искренне пёкся о народе, но его помыслами всегда руководила забота об общем благе.

<http://bllate.org/book/18379/1766867>